

A movie poster for the film 'The Return of Keyvor'. The central figure is a man in a dark Victorian-style suit and a black top hat, looking off to the side with a serious expression. He stands on a stone ledge overlooking a foggy, wide street in a historical city. To his left is a tall, ornate black street lamp. The background shows rows of multi-story brick buildings with many windows, some of which are lit. The sky is a hazy mix of orange and grey, suggesting dawn or dusk, with a small, bright sun or moon visible in the upper right. The overall mood is atmospheric and mysterious.

Александр Фатеев

Возвращение Кейвора

Александр Фатеев

Возвращение Кейвора

«Автор»

2026

Фатеев А.

Возвращение Кейвора / А. Фатеев — «Автор», 2026

Викторианская эпоха не закончилась. Мистер Бедфорд не оставляет надежду вернуться на Луну за своим другом Кейвором, этому даже не препятствует его женитьба....

© Фатеев А., 2026

© Автор, 2026

Александр Фатеев

Возвращение Кейвора

Золотая лихорадка земного тяготения

Часть первая. Лондон

Лондон встретил меня свинцовым небом и запахом мокрой брусчатки. После хрустального холода лунных долин, после разреженного, звенящего безмолвия, где каждый вздох отдавался в висках, земная сырость казалась удушающей. Я вернулся в мир биржевых сводок, кэбов и тусклого газа, но душа моя осталась там, на мёртвой стороне, погребённая под слоем серебряной пыли вместе с моим другом. Мистер Кейвор. При одной мысли о том, как он сидит сейчас в своём стеклянном гробу, окружённый исполинскими селенитами, чей разум холоден и непостижим, как геометрия кристалла, меня начинало трясти. Я не мог, не имел права оставить его там.

Но как вернуться? Кейворит — этот дьявольский сплав, отрицавший само ньютоново тяготение, — был утерян. В моих карманах гулял ветер, а в голове — лишь обрывки формул, которые я подслушал в полусне, пока наш шар уносил нас сквозь ледяную пустоту.

И всё же я хотел жениться. Правда хотел. Я вспоминаю, как она ждала меня в церкви Святой Марии — в подвенечном платье, с лавандой в руках, с ясными глазами, в которых было столько надежды, что я не мог смотреть. Я женился на ней. А через неделю улетел, соврав, что получил наследство в Шотландии и должен немедленно выехать.

Она поверила. Поцеловала меня на прощание. Я вышел за дверь и не оглянулся.

Моим спасением, моим земным провидением стал мистер Джулиус Вендиджи. Я встретил его в душной, пропахшей озоном и карболкой лаборатории на окраине Гринвича. Это был не последний человек в британской науке: его статьи о сплавах и тугоплавких соединениях цитировали в Королевском обществе, а его собственные опыты с металлами при высоких температурах уже не раз приводили к неожиданным результатам. Он был из тех одержимых, чьи глаза вечно воспалены от бессонницы, а пальцы навсегда пожелтели от реактивов. Сначала он принял меня за сумасшедшего, за одного из тех жалких фантазёров, что пишут в газеты о марсианских каналах. Но когда я, сбиваясь и задыхаясь, начал чертить на пыльном лабораторном столе схему лунного шара,

когда описал ему вязкую, маслянистую природу металла, меняющего вес, — в его глазах вспыхнул хищный, научный огонь. Я не стал скрывать цели. Я рассказал ему всё: о Луне, о шаре, о Кейворе, оставшемся в подлунных пещерах. Вендиджи слушал молча, а потом сказал только:

— Значит, антигравитация. Что ж. Это стоит того, чтобы попробовать.

И с той минуты он работал не как наёмник, а как одержимый.

Мы нашли лабораторию Кейвора в Кенте. Она стояла заколоченная, заросшая диким плющом, словно склеп. Внутри, среди разбитых колб и пожелтевших чертежей, пахло пылью и давней неудачей. Месяцы мы провели в этой гробнице чужого гения.

Вендиджи оказался гениальным компилятором. Он собирал кейворит по крупицам, как безумец собирает разбитое зеркало: по удельному весу, по спектру преломления, по едва уловимому звону, который издавал осколок, если уронить его на камень. Он знал, ради чего мы возимся, и это знание подгоняло его не хуже, чем меня.

И вот однажды декабрьской ночью тигель вспыхнул слепящим, неземным светом. На дне его застывала матово-белая масса, лёгкая, как дыхание, и абсолютно глухая к зову Земли.

Первым делом я настоял на постройке летающей платформы. Это была грубая, сколоченная из ясеня доска размером с крышку рояля, окантованная по периметру тонким желобом, в котором покоилась лента

воссозданного металла.

— Вы безумец, Бедфорд, — бормотал Вендиджи, затягивая последний латунный болт.
— Эта штука перевернётся от одного вашего чиха.

— На Луне не чихают, — отрезал я. — Там нет пыли, которая щекочет ноздри.

Я встал на доску, повернул медный реостат, и доски под моими ногами с тихим стоном оторвались от каменного пола. Сердце пропустило удар, а затем забилося где-то в горле. Я не летел — я падал вверх, в серый лондонский потолок. Тяжёлая портьера, до которой я случайно коснулся краем доски, внезапно потеряла вес и медленно, как во сне, поплыла к люстре. Я был пьян этим чувством. Я был богом, отменившим закон

всемирного тяготения одним поворотом латунной ручки.

Вендиджи, забыв о страхе, прыгал вниз, требуя опустить аппарат. Я сместил центр тяжести, желая сделать изящный круг под сводами старой оранжереи. Дерево протестующе заскрипело. Реостат, этот грубый предок штурвала, подался слишком сильно. Земля с чудовищной скоростью рухнула вниз. Крыши домов, шпили церквей, чёрная лента Темзы — всё превратилось в пёструю лоскутную карту. Лондонский туман превратился в ледяной нож, режущий щёки. Я взлетел на добрую сотню футов, не в силах остановить этот пьяный, неуправляемый танец. В ушах выл только ветер.

Паника была секундной. Вспомнив, как Кейвор гасил тяготение, я не стал полностью

отключать ток, а начал лихорадочно, по миллиметрам, ослаблять его, пытаюсь поймать ту грань, где падение превращается в планирующий спуск. Доска выровнялась. Меня пронесло над крышами Блумсбери и, потеряв ещё десяток футов высоты, швырнуло прямо в кроны вязов нашего сада. Я упал в мокрую листву, оглушённый, с разбитой губой, но живой. Платформа, лишившись управления, перевернулась в воздухе и рухнула в розовый куст, превратив его в серебристую, невесомую труху.

Вендиджи нашёл меня через четверть часа. Он тряс меня за плечи, заглядывал в глаза и смеялся, как ребёнок:

— Вы живы! К чёрту вашу Луну, Бедфорд! Мы продадим эту доску военным! Мы станем богаче королей!

Я молча стёр кровь с подбородка. Он знал о Луне, знал, ради чего мы строим аппарат, — но в эту минуту в нём снова заговорил делец. Золото, слава, броня для дредноутов — всё это было пылью. Там, в четверти миллиона миль отсюда, умирал от одиночества и чужой атмосферы создатель этого металла.

А потом пришла весть.

Дворецкий, пробормотав извинения, протянул мне на серебряном подносе узкий серый конверт, запечатанный сургучом Королевской обсерватории в Гринвиче. На конверте торопливым почерком было выведено: «Мистеру Бедфорду. Срочно. Лично в руки».

Я взял его холодеющими пальцами.

Внутри лежал лист папиросной бумаги — отпечатанная на машинке расшифровка радиотелеграммы. Вверху стояло:

«Принято Королевской обсерваторией, Гринвич. Источник — Луна. Волна 31 метр. Азбука Морзе. Повторялось три ночи подряд. Передано для мистера Бедфорда по его личной просьбе».

Ниже, с пропусками и неизбежными ошибками, шёл текст.

«БЕДФОРД БЕДФОРД Я КЕЙВОР ТЧК ЖИВ ТЧК СЛУШАЙ ВНИМАТЕЛЬНО ТЧК
ОНИ НЕ ТАК ПРОСТЫ КАК МЫ ДУМАЛИ ТЧК У НИХ ЕСТЬ ДРУГИЕ ТЕХНОЛОГИИ
НЕ ТОЛЬКО РАДИО ТЧК ОНИ ИЗУЧАЮТ НАШУ ПЛАНЕТУ

ТЧК Я СЛЫШАЛ ИХ РАЗГОВОРЫ О ВОЗМОЖНОСТИ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ЗЕМЛЮ
ТЧК ЕСЛИ ОНИ РЕШАТ МЫ ПОГИБНЕМ ТЧК Я УБЕДИЛ ИХ ЧТО ТЫ ВЕРНЁШЬСЯ С
КЕЙВОРИТОМ ДЛЯ ПЕРЕГОВОРОВ ТЧК ЭТО НАШ ШАНС ТЧК ПРИВЕЗИ КЕЙВОРИТ
КАК МОЖНО БОЛЬШЕ ТЧК НЕ ВЕРЬ НИКОМУ КТО ПРИДЁТ ОТ ИХ ИМЕНИ ТЧК ВХОД
В ПЕЩЕРЫ ТАМ ГДЕ ТЫ ОСТАВИЛ ШАР НО НИЖЕ НА ТРИСТА ШАГОВ У СУХОГО
КРАТЕРА С ТРЕМЯ ЗУБЦАМИ ТЧК ЖДИ ПОЛНОЧЬ ТЧК ОНИ СЛУШАЮТ НО НЕ ВСЁ

ПОНИМАЮТ ТЧК ФОРМУЛУ НЕ ПЕРЕДАМ ПО РАДИО ТЧК БЕРЕГИСЬ ГОЛОСОВ ТЧК
КЕЙВОР»

Я перечитал листок трижды. Потом сел в кресло, потому что ноги перестали держать.

Кейвор жив. Кейвор жив и передаёт с Луны. Но главное было не в этом. Селениты — эти

холодные, геометрически мыслящие существа — не просто держали его в плену. Они изучали Землю. У них были технологии, о которых мы не имели представления. И они думали о том, чтобы нанести удар. Кейвор убедил их, что я вернусь с кейворитом для переговоров. Это был блеф, отчаянная попытка выиграть время. Но это был и шанс: если я привезу достаточно металла, если мы сможем договориться — или, если понадобится, защититься.

Я не мог остаться. Не мог делать вид, что Луна — это просто пятно на ночном небе.

Вендиджи я нашёл в лаборатории к полуночи. Он сидел над чертежами и жевал остывший тост.

— Джулиус, — сказал я. — Помните, вы

мечтали продать кейворит военным?

Он поднял голову.

— Так вот. Забудьте. У меня есть дело получше. Мы летим на Луну. И мы везём с собой столько кейворита, сколько сможем уместить в шар.

Его лицо вытянулось.

— Но... вы же только что женились!

— Женился, — согласился я. — Но это не значит, что я могу сидеть сложа руки.

Мы строили новый аппарат шесть недель. На этот раз это был не доска, а настоящий шар — небольшой, тесный, но с запасом воздуха и провизии на двоих и с трюмом,

набитым кейворитом под самые люки. По периметру шара шли сегментные шторы: когда они смыкались, кейворитовая оболочка охватывала корпус со всех сторон, и шар терял вес; когда раздвигались — металл уходил в пазы, и аппарат снова подчинялся притяжению.

Вендиджи ворчал, что мы летим на верную смерть, что селениты разберут нас на части, что металла у нас столько, что шар может не подняться. Я не слушал. Я смотрел на Луну каж-

дую ночь, и она становилась всё больше, всё ближе. В кармане у меня лежала радиотелеграмма, истёртая на сгибах, с тремя словами, которые я повторял, как молитву: «Жди полночь. Кейвор».

Часть вторая. Луна

Мы стартовали в безлунную ночь, с пустоши в Девоне, подальше от любопытных глаз. Шторки были закрыты: кейворитовые пластины сомкнулись в сплошную оболочку, и шар поднялся бесшумно, легко, словно его вытолкнула сама Земля. Внизу поплыли крыши, поля, чёрная лента реки; потом Земля начала уменьшаться — сначала медленно, потом всё быстрее, пока не превратилась в голубой шар, подёрнутый белыми завитками облаков. Вендиджи вцепился в поручень и молился. Я смотрел вперёд.

Луна росла. Серебристая, мёртвая, прекрасная. Я знал, что где-то там, в подлунных пещерах, мой друг ждёт меня. И что на этот раз я не улечу без него.

— Пора ловить притяжение, — сказал Вендиджи. — Открывай.

Я потянул рычаг. Шторки разошлись, кейворитовая оболочка распалась на сегменты и ушла в пазы, обнажив обычный металл корпуса. И тотчас шар словно налился свинцом. Луна

в иллюминаторе качнулась и стала стремительно расти. Чужое, резкое притяжение подхватило нас, потянуло к серой поверхности, и в ушах зашумело от нарастающей скорости.

— Не разгоняйся! — крикнул Вендиджи. — Закрывай!

Я сдвинул шторы наполовину. Кейворит снова лёг на корпус, тяжесть отпустила, и падение превратилось в скольжение. Я то

прикрывал оболочку, то открывал её, ловя ту грань, где притяжение тянет вниз, а кейворит гасит скорость. Вендиджи считал вслух:

— Сто футов... пятьдесят... двадцать... Закрывай больше!

Я закрыл шторы почти полностью. Шар завис в десятке ярдов над поверхностью, чуть покачиваясь, — серая пыль и камни были совсем близко, и в их тени угадывался сухой кратер с тремя зубцами.

— Теперь открывай потихоньку, — сказал Вендиджи. — Пусть притяжение само его посадит.

Я развёл шторы на ширину ладони. Шар мягко, почти беззвучно, опустился на лунную пыль.

Мы сели в ночь. Я не сразу понял, что это снег. Поверхность под нами чуть просела и взметнулась серебристой пылью. В иллюминаторе было черно — только звёзды, крупные и злые, и где-то на краю неба тонкая серебряная полоска, обещавшая скорый рассвет. Луна была повёрнута к нам своей ночной стороной, и воздух её, как я знал, за ночь вымерзал и ложился на грунт снегом. Мы сели прямо в этот снег. Он был странный — не пушистый, а

какой-то стеклянистый, хрупкий, и когда я потом, уже в скафандре, зачерпнул его горстью, он рассыпался в пыль, не тая.

— Ну, — сказал Вендиджи, глядя на термометр, — минус сто двадцать по Фаренгейту. Если выйдем без костюмов, через минуту превратимся в сосульки.

Костюмы мы готовили заранее. Водолазные скафандры, купленные по дешёвке у одного отставного инженера с дока в Чатеме, мы переделали основательно: заменили стёкла на толстые, двойные, с прослойкой из кейворитовой крошки — не для тепла, а чтобы не треснули от холода; вшили меховые подкладки; к шлемам приделали медные трубки с клапанами, а к ранцам — небольшие баллоны со сжатым воздухом, которых, по нашим расчётам, должно было хватить на несколько часов. Вендиджи настоял на том, чтобы взять и верёвку, и два ледоруба, и карманный компас, и электрический фонарь — последний, правда, работал от батареи, которая на морозе садилась за считанные минуты, и я не очень на него надеялся.

Мы оделись молча, как солдаты перед боем. Скафандры были тесные, неудобные, и в них сразу стало душно. Я проверил клапан, вздохнул несколько раз, чтобы убедиться, что воздух идёт, и кивнул Вендиджи. Он открыл люк.

Холод ударил даже сквозь мех — не ветром, потому что ветра не было, а какой-то глухой, неподвижной стужей. Я выбрался наружу и встал на поверхность Луны. Снег под ногами

скрипел и проваливался, как сахарный. Над головой висели звёзды, и не было ни воздуха, ни звука — только моё собственное дыхание в трубке да стук сердца. Я сделал несколько шагов. Тяжесть была странная: я весил вшестеро меньше, чем на Земле, и от каждого шага подпрыгивал, как резиновый мяч. Вендиджи вылез следом и тотчас же, забывшись, оттолкнулся слишком сильно и

улетел бы футов на десять, если бы я не поймал его за ремень.

— Осторожнее, — прохрипел я в трубку, хотя он меня не слышал — связи между скафандрами у нас не было, и мы могли объясняться только знаками.

Мы двинулись к кратеру с тремя зубцами. Он был виден издалека — три острые скалы, торчавшие из снега, как обломанные зубы. Я шёл первым, освещая дорогу фонарём, который то вспыхивал, то гас. Вендиджи шёл за мной, держась за верёвку. Снег становился глубже, ноги проваливались по колено, и каждый шаг отнимал больше сил, чем я ожидал. Я смотрел на кратер и думал: вот он, вход, сейчас мы найдём его — и всё будет кончено.

Но входа не было.

Мы обошли кратер кругом. Мы обшарили каждый выступ, каждую расщелину между зубцами, каждую тень. Ни трещины, ни дыры, ни намёка на спуск. Я чертыхался в трубку, и звук собственного голоса раздражал меня. Вендиджи разводил руками и показывал на часы:

воздух в баллонах таял. Мы вернулись к шару, и я впервые почувствовал, как холод подбирается к пальцам даже сквозь мех.

— Нужно подняться, — сказал я, когда мы снова забрались в шар и сняли шлемы. — С высоты виднее. Может, мы просто не туда смотрим.

Вендиджи устало кивнул. Он был бледен, и я понял, что он тоже порядком вымотался.

Мы поднялись. Шторки закрылись, шар потерял вес и взмыл над кратером на сотню футов. Я развернул его, и мы стали медленно кружить над равниной, всматриваясь в иллюминатор. Сверху снег казался ровным и белым, как простыня, и только тени от скал чернели на нём, как трещины. Я водил шаром взад и вперёд, пока Вендиджи вдруг не схватил меня за руку и не ткнул пальцем в стекло.

Я посмотрел.

В сотне ярдов от кратера, там, где снег уходил в неглубокую ложбину, темнело что-то, не похожее на тень. Я опустил шар ниже. Это была дыра — широкая, с неровными краями, и снег вокруг неё был вытоптан, словно по нему ходили много раз. Вход в

пещеры.

— Вот она, — выдохнул Вендиджи. — Вот она, проклятая.

Я развернул шар и повёл его к ложбине. Мы сели в двух шагах от дыры, и я снова натянул шлем. Теперь я знал, куда идти.

Труба уходила вниз почти отвесно. Я посветил фонарём — луч утонул в темноте, не достав до дна. Края её были гладкие, словно отполированные водой или временем, и от них тянуло холодом, который пробирал даже сквозь мех. Снег на краю обрыва обрывался резко, как обрезанный ножом, и под ним чернела пустота.

Вендиджи потянул меня за рукав и показал знаками: верёвка. Я кивнул. Мы закрепили

конец за выступ скалы у входа, обязались оба — я первый, он за мной, — и я шагнул в трубу.

Первые несколько футов я скользил, упираясь спиной и локтями в стенки. Потом труба пошла шире, и я повис на верёвке, раскачиваясь над бездной. Фонарь, привязанный к поясу, выхватывал из темноты кольца камня — серые, с рыжими прожилками, — уходящие вниз,

вниз, вниз. Я спускался медленно, перехватывая верёвку руками, и с каждым футом холод становился глубже, а воздух в трубке — суше и острее. На глубине примерно тридцати футов стенки трубы начали светиться. Слабый, зеленоватый свет, как от гнилушек в земном лесу, проступал из трещин и прожилок, и в этом свете я увидел, что труба расширяется, переходя в наклонный туннель.

Я дёрнул верёвку дважды — условный сигнал. Через минуту Вендиджи был рядом, и мы стояли на каменном выступе, глядя вниз.

Туннель уходил вглубь и вбок, и от него, как ветви от ствола, расходились другие проходы. Сеть пещер. Я насчитал не меньше пяти ходов, и каждый был достаточно широк, чтобы в него прошёл человек. Свет из стен становился ярче, и теперь я различал, что это не просто свечение, а тонкие, ветвящиеся нити, похожие на плесень или на корни растений, проросшие сквозь камень. Они пульсировали едва заметно, и от этого казалось, что сама пещера дышит.

Мы двинулись вниз по главному туннелю. Идти было легче, чем я думал: низкая

тяжесть позволяла делать длинные, плавные шаги, и я почти парил над камнем. Вендиджи держался за мной, держа верёвку наготове. Светящиеся нити становились всё гуще, и вскоре мы вышли в огромную пещеру — такую большую, что её дальняя стена терялась в сумраке. Своды её терялись в высоте, и оттуда, сверху, доносился слабый, ритмичный гул, похожий на далёкое дыхание.

И тут случилась беда.

Я почувствовал, что воздух в трубке стал другим — спёртым, тяжёлым, словно кто-то перекрыл доступ. Я потянулся к клапану на баллоне за спиной и нащупал его пальцами в перчатке. Кран был мокрый от конденсата и, кажется, треснул: металл поддавался слишком легко, а из-под прокладки с

шипением выходил воздух. Я крутил его, пытаясь закрыть, но он проворачивался вхолостую, и я с ужасом понял, что баллон стремительно пустеет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.